

RU

Старотатарское наследие в тепекеевском и курмантауском говорах татарского языка (фонетические и морфологические особенности)

Булатова М. Р.

Аннотация. В ходе развития татарского литературного языка некоторые традиционные формы, характерные для старотатарского литературного языка, были утрачены, но они сохранились в говорах и рассматриваются как диалектные явления. Цель исследования – выявить особенности, которые были характерны для старотатарского литературного языка и сохранились в тепекеевском и курмантауском говорах, но не употребляются в современном литературном языке. Основные фонетические, грамматические и другие особенности исследуемых говоров татарского языка были заложены еще в древнетюркском языке. Научная новизна исследования: впервые некоторые фонетические и морфологические особенности указываемых говоров рассматриваются в сравнительном плане с языком старотатарских письменных памятников, выявляется большая общность со старотатарским литературным языком. В результате проведенного научного анализа нами установлено, что в курмантауском и тепекеевском говорах среднего диалекта татарского языка сохранились фонетические явления (ә-и, й-ж и др.) и грамматические формы (аффиксы желательного наклонения -айым, -айык, формы на -мак/-мәк, конструкции -ды + исә и др.), которые активно функционировали в старотатарском литературном языке.

EN

Old Tatar heritage in the Tepekey and Kurmantau sub-dialects of the Tatar language (phonetic and morphological features)

M. R. Bulatova

Abstract. During the development of the Tatar literary language some traditional forms, that are characteristic of the Old Tatar literary language had been lost, but they were preserved in sub-dialects and are considered as dialect phenomena. The purpose of the study is to identify features that were characteristic of the Old Tatar literary language and were preserved in the tepekey and kurmantau sub-dialects, but were lost in the Tatar literary language. The main phonetic, grammatical and other features of the studied sub-dialects of the Tatar language were laid down in the ancient Turkic language, the written monuments of which date back to the 5-8th centuries. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time, some phonetic and morphological features of the indicated sub-dialects are considered in a comparative sense with the language of the Old Tatar written monuments, and a greater commonality with the Old Tatar literary language is revealed. As a result of the scientific analysis, we have established that in the Kurmantau and Tepekey sub-dialects of the middle dialect of the Tatar language, phonetic phenomena (ä-i, j-ž, etc.) and grammatical forms (affixes of the desired mood -ajım/-ajık, forms in -mak/-māk, constructions -dı + isä, etc.), that actively functioned in the Old Tatar literary language have been preserved.

Введение

Актуальность данной работы заключается в том, что исследование фонетики и морфологии татарских говоров в сравнении со старотатарским литературным языком, выявление их общих особенностей имеют важное значение для раскрытия истории происхождения тех или иных фонетических явлений, грамматических форм татарского литературного языка. Исследование языковых особенностей говоров в таком плане вносит определенный вклад в изучение истории образования татарского языка, его диалектов и говоров, а также и этногенеза татар.

Татарский язык – один из самых древних языков; относится к кыпчакской группе тюркских языков. Его основные грамматические и лексические особенности были сформированы уже в древнетюркском языке. Поэтому татар, являющихся представителями разных говоров и проживающих в разных территориях, объединяют общие фонетические, лексические, грамматические закономерности; татары могут понять языки других тюркских народов – казахский, узбекский и др.

Истоки старотатарского литературного языка относятся к VII–XIII вв. и подразумевают условное разделение на древнетюркский (VII–XI вв. – рунический и древнеуйгурский литературные языки) и среднетюркский (XI–XVIII вв. – караханидско-уйгурский, золотоордынский, чагатайский и малые формы литературных языков: сельджукский, кипчакский, болгарский) периоды (Миннуллин, 2022, с. 4). Окончательное формирование старописьменного литературного языка относится к XIV–XVI векам. Этот письменно-литературный язык просуществовал у татар вплоть до начала XX в., в той или иной мере игнорируя местное живое разговорное наречие (История татарского литературного языка..., 2003, с. 10). Становление татарского литературного языка в качестве общенародного происходит на рубеже XIX–XX веков. В процессе развития татарского литературного языка теряются некоторые традиционные грамматические формы, фонетические свойства древнетюркского, старотатарского языка, но они сохраняются в диалектах и говорах, в том числе курмантауском и тепекеевском. Поэтому все говоры татарского народа ценны для нас сохранением особенностей нашего древнего общего языка.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- дать краткую характеристику курмантаускому и тепекеевскому говорам;
- описать грамматические формы и фонетические особенности в исследуемых говорах, которые были свойственны для древнетюркского и старотатарского литературного языка;
- провести сопоставительный анализ морфологических и фонетических явлений исследуемых говоров и старотатарских письменных памятников;
- полученные результаты сравнить с нормами современного татарского литературного языка; с другими татарскими говорами и тюркскими языками.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: описательный, состоящий в описании языковых единиц; сопоставительный, заключающийся в последовательном сопоставлении особенностей говора с литературным языком и при необходимости с соседними родственными или другими языками, что позволяет выявить общее и специфическое в них; сравнительно-исторический – анализ материала в сравнении с другими говорами татарского языка, другими тюркскими языками, старотатарскими и древнетюркскими памятниками в целях установления их общности; при сборе фактического материала использован полевой метод, а также принципы объективной обработки данных.

Предлагаемая работа написана на основе материалов, собранных автором во время диалектологических экспедиций на территории распространения курмантауского и тепекеевского говоров в 2011–2013 гг., и нижеперечисленных трудов ученых.

Теоретической базой исследования послужили труды известных татарских диалектологов Л. Т. Махмутовой (1978), Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, Т. Х. Хайрутдиновой (Баязитова, Рамазанова, Хайретдинова, 2008), Д. Б. Рамазановой (1988), Ф. Ю. Юсупова (2004), М. Р. Булатовой (2012; 2013), посвященные описанию языковых особенностей народных говоров татарского языка.

Важным аспектом исследования явилось сравнение языковых особенностей исследуемых говоров со старотатарскими и древнетюркскими памятниками, что стало возможным благодаря трудам Э. Х. Кадировой (2001), Р. Ф. Мирхаева (2007), дающими характеристику языка произведений Мухамедьяра «Тухфа-и Мардан», «Нур-и содур» (XVI в.), М. Акъегета «Хисаметдин менла», З. Бигиева «Олюф, или Красавица Хадича» (XIX в.) и др.

Основным базовым материалом для написания статьи явились также письменные памятники XIII–XV вв. (произведения Сайяди «Дастан Бабахан», Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-фарадис»), хикметы Мауля Кулыя (XVII в.), стихи Г. Утыз-Имяни (XVIII в.), которые содержатся в хрестоматийной книге:

- Борынгы татар әдәбияты (Древняя татарская литература). Казань: Таткнигоиздат, 1963.
- Также представлены тексты произведений писателя конца XIX – начала XX века Мажита Гафури:
- Гафури М. Н. Сайланма әсәрләр (Избранные произведения). Казан: Татар. кит. нәшр., 2010.

Кроме того, учитывались работа В. Г. Кондратьева (1970), которая представляет фонетическую, морфологическую и синтаксическую характеристики древнейших тюркоязычных памятников (VIII в. н. э.); труд А. Н. Кононова (1956), где систематически излагаются фонетика, морфология и синтаксис турецкого литературного языка; монография Б. К. Миннуллина (2022), посвященная комплексному исследованию морфологических особенностей языка татарского газетного текста начала XX века, а именно на примере газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш».

Некоторые ученые в своих трудах указывают на важность изучения в диахроническом аспекте форм существования татарского языка, в том числе диалектов с их многочисленными говорами. Л. Р. Сакаева, Г. К. Исмагилова, Г. И. Саляхова подчеркивают: «Представление объективной картины развития и становления литературного языка невозможно без полного анализа комплекса письменных памятников отдельно взятых писателей» (2019, с. 89). Р. Ф. Мирхаев отмечает, что «в настоящее время из всех форм существования татарского языка в диахроническом аспекте изучена только литературная форма» (2022, с. 135) и «научные данные, которые кроме письменной литературной формы существования татарского языка позволили бы восстановить эволюцию и других его функциональных разновидностей, таких как территориальные и социальные диалекты, койне и просторечие, в целом носят лишь обобщенный и фрагментарный характер» (2022, с. 136). Такое обстоятельство ученый объясняет недостаточностью письменных источников, которые позволили бы в подробностях реконструировать указанные идиомы и описать в диахронии особенности их функционирования в тех или иных общественных сферах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в лингвистических описаниях диалектов и говоров, при составлении учебных пособий по диалектологии,

исторической диалектологии и грамматике, а также в преподавании курсов татарской диалектологии и истории татарского литературного языка.

Обсуждение и результаты

Большая часть татарского народа сформировалась на территории Южного Приуралья и Среднего Поволжья, в основном в республиках Башкортостан и Татарстан. В Башкортостане проживают татары, относящиеся к западному (мишарскому) и среднему (казанско-татарскому) диалектам татарского языка. Нами предоставляемые тепекеевский и курмантауский говоры относятся к среднему диалекту татарского языка и распространены в центральной части Башкортостана. Тепекеевский говор функционирует в населенных пунктах:

а) Ишимбайского района – Кузяново, Нижнеарметово, Верхнеарметово, Арметрахимово, Ишимово, Янурусово, Кияуково и др.;

б) южной части Гафурийского района: Утяково, Тугай, Базиково, Кутлугуза, Инзелга, Янгискаин, также в Алатана (Стерлитамакский район) и др.

Название тепекеевского говора (по-татарски – тепекәй сөйләше) связано с произношением вместо звонких согласных [д], [б], [з] в определенных позициях глухих согласных [т], [п], [к]: *тигән* – литер.: дигән ‘сказал’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. Б.), *перәү* – берәү ‘один’, *маңкай* – маңгай ‘лоб’ и др. Данный говор впервые был изучен известным диалектологом Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана Д. Б. Рамазановой (1988, с. 20-43). Тепекеевский говор также изучался языковедом того же института М. Р. Булатовой (2013) во время научных экспедиций по исследованию татарских говоров южной части Башкортостана.

Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка распространен в северной части Гафурийского района: Абдуллино (Таштамак), Зилим-Караново (Жилем-Каран), Бурлы, Курмантау (Кормантау), Кызыл-Яр, Новые Бурлы (Яңа Бурлы) и т. д. Данный говор выявлен и впервые исследован М. Р. Булатовой (2012, с. 35-45; 2013) в ходе диалектологических экспедиций 2011-2013 гг.

Рассмотрим некоторые фонетические особенности, которые были характерны для старотатарского литературного языка и сохранились в курмантауском (далее – крмн.) и тепекеевском (далее – тпк.) говорах среднего диалекта современного татарского языка.

1. Употребление гласного [ə] вместо литературного гласного [и]: *элбиттә* – литер.: элбәттә ‘конечно’; *кәмерәк* – кимерәк ‘поменьше’; *кәбән* – кибән ‘стог’, в курмантауском говоре еще в значении ‘верхняя корочка хлеба’; *кәгәвен/күгәвен* – кигәвен ‘овод’; *әпәй* – ипи ‘хлеб’; *кәштә* – киштә ‘полка’; *кәртә* – киртә ‘жердь’, в курмантауском говоре еще и в значении ‘двор’ и т. д.

Соответствие [ə]-[и] выступает во всех татарских говорах Приуралья, обнаруживается в западном (Махмутова, 1978, с. 42) и восточных (сибирско-татарских) (Баязитова, Рамазанова, Хәйретдинова, 2008, к. II, с. 250) диалектах татарского языка.

Вариант употребления [ə] вместо [и] был характерен для языка письменных памятников татарской литературы. Например, в произведении XIII-XV вв. «Дастан Бабахан» Сайяди: *мән* (с. 266) – литер.: мин ‘я’, *мәни* (с. 293) – мне ‘меня’, *мәндиң* (с. 266) – миннән ‘от меня’, *сәңа* (с. 260, 269) – сиңа ‘тебе’, *сәнең* (с. 260) – сиңең ‘твой’, *нәчә* (с. 260, 261) – ничә ‘сколько’, *нә* (с. 260, 262) – ни ‘что’, *нәчек* (с. 266, 267) – ничек ‘как, каким образом’, *сәндә* (с. 278) – синдә ‘у тебя’, *кәрәк* (с. 282) – кирәк ‘надо’, *калер* – килер ‘придет’, *наләр* (с. 282) – ниләр ‘что, чего’, *намә/нимә* – нәрсә ‘что’, *йөзени* – йөзенә ‘на лицо’ (с. 295). *Мәни сән коткарырсән* (Борынгы татар әдәбияты, 1963, с. 283). / ‘Меня ты спасешь’.

2. Употребление среднеязычного сонанта [й] вместо переднеязычного щелевого [ж]. Примеры: *йитмеш* – литер.: житмеш ‘семьдесят’, *йымакөн/йома* – жомга ‘пятница’, *йавап* – жавап ‘ответ’, *йылықай* – жылы ‘тепло’, *мөрйә* – моржа ‘труба’ и др. Соответствие й-ж характерно для многих татарских говоров Приуралья. В некоторых из них параллельно применяется ж и й, в курмантауском так же (*жырлай/йырлай* ‘поет’). Употребление й вместо литературного ж – одно из характерных черт западного диалекта татарского языка; активно выступает во многих татарских говорах среднего, также восточных (сибирско-татарских) диалектов.

Соответствие й-ж было характерно для старотатарского литературного языка. Например, в произведении «Тухфа-и Мардан» («Дар мужей») Мухамедьяра: *йимеш* (с. 386) – литер.: жимеш ‘фрукт’, *йиң* (с. 386) – жиң ‘рукав’, *йигып* (с. 398) – жыеп ‘собрав’, *йитмеш* (с. 401) – житмеш ‘семьдесят’, *йир* (с. 402) – жир ‘земля’, *йите* (с. 402) – жиде ‘семь’ (Борынгы татар әдәбияты, 1963); «Дастан Бабахан»: *йиргә* (с. 261) – литер.: жиргә ‘на землю’, *йирдин* (с. 262) – жирдән ‘от земли’, *йите* (с. 288) – жиде ‘семь’, *йитте* (с. 270) – житте ‘хватило’, *морадыма йитәйен* (с. 306) – досл.: морадыма житим (морадыма ирешү) ‘достигнуть, добиться своего, достижение плана’, *йибәр* (с. 300) – жибәр ‘отпусти’; М. Кулый: *йеңсә* (с. 492) – жиңсә ‘если победит’, *йыйса* (с. 497) – жыйса ‘если соберет’ и др. (Борынгы татар әдәбияты, 1963).

Далее рассмотрим некоторые морфологические особенности, которые были характерны для старотатарского литературного языка и сохранились в курмантауском и тепекеевском говорах среднего диалекта татарского языка.

1. Употребление вопросительного местоимения *нәмә* – литер.: нәрсә ‘что’, также в значении ‘вещь, предмет’: *Кыйағазға нәмә йазған ул?* (крмн.). / ‘Он что написал на бумаге?’; *Бүген Усолкаға барам, нәмә апқайтырға сиңә?* (тпк.). / ‘Сегодня поеду в Красноуфимск (нас. пункт), что тебе привезти?’; *Нәмә башымны*

катырасың син минең қат-қат шул сорауың белән (крмн.). / 'Что ты морочишь мне голову с одним и тем же вопросом?'. В данных говорах к местоимению *нәмә* иногда присоединяется аффикс *-кәй*: *Нәмәкәй дидең әле син, күрше?* / 'Что ты сказал, сосед?'; *Шулай да нәмәкәйдер эшләп куйа алды Асыя.* / 'Все-таки Асия смогла что-то сделать'; *Нәмәкәй бүләг иттеләр балаларға?* / 'Что подарили детям?'.
 Местоимение *нәмә* характерно и для некоторых татарских говоров Приуралья и Зауралья. Сравним: *нәмә* в фонетическом варианте *нимә* встречается в пермском, учалинском говорах среднего диалекта и говорах сибирских татар.

В произведении «Нахдж ал-фарadis» («Открытый путь к раю») Махмуда ал-Булгари (письменно-литературный язык XIV века) тоже употребляется вопросительное местоимение *нәмә/нимә*, но в значении 'какой': *Тоны нәмә узун тон турур.* / 'Какой длинный у него тулуп (шуба)'; *Уйаң оглы нәмә улуг мәлик болды* (История татарского литературного языка..., 2003, с. 167). / 'Родственник стал каким большим правителем'.

2. В курмантауском и тепекеевском говорах глаголы I лица желательного наклонения имеют формы на:

а) *-айым/-әйем* (литер.: *-им/-ыйм*) в единственном числе: *Нәнәйләргә барайым әле, бақсасындағы түтәлләрен утайым әле* (тпк.). – литер.: Дәү әниләргә барыйм әле, бакчасындагы түтәлләрен утыйм әле. / 'Пойду-ка к бабушке, буду полоть грядки в саду'; *Бәрәңгеләрне сүпләйем әле, йәмғыр йауғалағансы* (крмн.). – литер.: Бәрәңгеләрне чүплим әле, яңғыр яугалаганчы (ява башлаганчы). / 'Соберу-ка картошку, пока дождь не начался';

б) *-айық/-әйек* (литер.: *-ик/-ыйк*) во множественном числе: *Туйны киләсе айда уздырайық* (крмн.). – литер.: Туйны киләсе айда уздырыйк. / 'Свадьбу проведем-ка в следующем месяце'; *Сәлимә әби, нисек сиңә йардамлашайым – идәннәрәңне йуайыммы, тузаннарны сөртәйемме?* (тпк.). – литер.: Сәлимә әби, ничек сиңә ярдәмләшим – идәннәрәңне юйыммы, тузаннарны сөртимме? / 'Бабушка Салима, как тебе помочь – (твой) полы помыть, пыль протереть?'.

Аффиксы желательного наклонения *-айым*, *-айық* активно функционируют во многих других говорах среднего и восточных диалектов татарского языка. Изоглосса формы на *-айым/-айық* локализуется на восточной части распространения среднего диалекта, охватывает восточные районы Татарстана, западные и северо-восточные районы Башкортостана, территорию Курганской, Кировской, Свердловской, частично Челябинской, Оренбургской областей.

Аффиксы желательного наклонения *-им/-ыйм*, *-ик/-ыйк*, кроме *-айым/-айық*, имеют также такие фонетические варианты, как:

а) *-ыйым*, *ыйык* в западном (мишарском) диалекте татарского языка. Например: *цакырыйым/чакырыйым* 'позову-ка', *цакырыйык/чакырыйык* 'позовем-ка';

б) *-айын/-әйен* (древнетюркская форма), *-айым/-әйем* в восточных (сибирско-татарских) диалектах татарского языка: *чақырайын*, *чақырайым* 'позови-ка', 'позову-ка'.

Изоглосса формы на *-айым*, *-айық* охватывает караимский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, кумыкский, ногайский и другие языки; старотатарскому литературному языку была свойственна до начала XX в.

Сравним: в древнетюркских письменных памятниках тоже употреблялись форма *-әйен* и форма *-айын* (Кондратьев, 1970, с. 30), с XVI в. в письменной литературе начинают встречаться уже аффиксы *-әйем/-айым*.

Например, в произведении «Дастан Бабахан»: *Диде Зөһрә, нә дип аңа барайын, атам йөзени мән нәчк күрәйен* (с. 295). / 'Сказала Зухра: как к нему поеду, как посмотрю на лицо отца'; *Морадыңа җәвахирләр бирәйен* (с. 301). / 'Дарю-ка тебе твои желанные драгоценные камни'; *Барып хандин китәр дәстүр алайын* (с. 303). / 'Схожу и получу-ка у хана разрешение на выезд'. В «Мухаббат-наме» Харэзми: *Көчем йитцимешчә күп хезмәт кылайын, Жһһанда иу атыңны яяен (йәйәен)* (с. 198). – литер.: *Көчем җиткәнчә күп хезмәт кылайым, җһһанда изге исемеңне таратыйм.* / досл.: 'Изо всех сил потружусь, имя твое святое прославлю-ка'. В «Нахдж ал-фарadis» Махмуда ал-Булгари: *Ул әйде: Я шәех, нәчә алтын кәрәк? Бирәйен, – тиде* (с. 226). – литер.: Я шәех, ничә (күпме) алтын кирәк? Бирим. / досл.: 'Он сказал: а ну-ка, шейх, сколько золота надо? Дарю-ка'; *Мән сәни бу хәлдин коткараен, – тиде* (с. 243). – Мин сине бу хәлдән коткарайым, – диде. / '(Он) сказал: «Я спасу тебя от этой ситуации»' (Борынгы татар әдәбияты, 1963).

В старотатарском литературном языке конца XIX – начала XX века (например, в произведениях М. Акъегета «Хисаметдин менла», З. Бигиева «Олюф, или Красавица Хадича» и др.) наряду с *-айым/-әйем* употреблялась форма *-алым/-әлем*, что характерно для турецкого языка (Кононов, 1956, с. 246). Указанные аффиксы были типичны также для староосманского языка (Языки мира..., 1997, с. 121). Данные формы желательного наклонения образуются путем присоединения к основе глагола аффикса *-айым/-әйем* в единственном числе (*табайым* 'найду-ка я', *кидәйем* 'пойду-ка' и др.) и аффикса *-алым/-әлем* во множественном числе (*язалым* 'напишем-ка мы', *дикъкаты идәлем* 'посмотрим-ка мы' (Мирхаев, 2007, с. 106). В наши дни форма *-алым/-әлем* не сохранилась в татарском литературном, не встречается даже в его говорах.

3. В тепекеевском и курмантауском говорах отрицательная форма деепричастия на *-ып/-еп* сохранилась в виде *-майынса/-мәйенсә*. Сравним: в старотатарском литературном – *-майын*, *-майынча/-мәйенчә*; в современном литературном – *-мый/-ми*, *-мыйча/-мичә*. Данная форма образована древними аффиксами отрицания *-ма* и деепричастия на *-ын*: *-майын/-мәйен* – и наречным аффиксом *-ча*: *Сорап та тормайынса* (литер.: *сорап та тормыйча*), *иртән иртүк инде қайтып китте* (крмн.). / 'Не отпросившись, уже с утра уехал домой'; *Эшеңне эшләп бетмәйенсә* (литер.: *бетермичә*), *өйөңә қайтма* (тпк.). / 'Не доделав свою работу, не уходи домой'.

Например, в старотатарском письменно-литературном языке (XV – начало XVII в.): *Әйтә торган сүзеңез тыңламайын* / *Ул бойырган эшеңез аңламайын.* / 'Не дослушав ваших слов / Не поняв ваших поручений' (Кадирова, 2001, с. 25). – литер.: *Әйткән сүзегезне тыңлап бетермичә, боерган эшегезне аңламайычә.* Форма *-майынча/-мәйенчә* характерна для творчества писателей конца XIX – начала XX в., например, у Мажита Гафури

в стихотворениях «Таң яктысы» (Свет зари): *Шул энә хаклык нурын күрсәтмәенчә саклаган* (Гафури, 2010, с. 130). / 'Это она (ночь), не показывая, хранила (скрывала) лучи истины'; «Изге юлда» (В священной дороге): *Әй, кешеләр! Изге гөл бу, белмәенчә үтмәгез* (Гафури, 2010, с. 152). / 'Эй, люди! Это святой цветок, не проходите мимо, не зная (не замечая)'.

Отрицательная форма деепричастия *-майынса/-мәйенсә* в разных фонетических вариантах употребляется в говорах западного (*-мыйынча, -мыйынчы, -мийенчә, -мыйынчы, мийенче*), среднего (*-майынчы, -майынсы, -мәйенче, -мыйынчы*) и восточных (*-майынчы, -мәйенче, -майын, -мин*) диалектов татарского языка.

4. В исследуемых говорах сохранилась архаичная форма инфинитива на *-мак/-мәк*. Но данная форма всегда употребляется со словом *кирәк* 'надо, нужно' и с вопросительными местоимениями *нишләп* 'почему', *ничек, кайсылай* 'как' и т. д.: *Бу текмәне қайсылай буймақ кирәк, тышта нық эссе бит* (крмн.). / 'Как покрасить этот забор, на улице очень жарко ведь'; *Мындай пағудада Уфаға нисек барып йетмәк кирәк* (тпк.). / 'Как доехать в Уфу (город) в такую погоду?'.

Форма *-мак/-мәк* использовалась в старотатарском языке до начала XX века. Приведем пример из произведений М. Кулуя: *Ата-ана тугурды безне, дуслар / Хөрмәтләрен яхшы кылып йөрмәк кәрәк* (с. 491). / 'Друзья, родители родили нас, всегда надо с уважением относиться к ним'; *Аһ-вах тию күңелләре мәшкил булса, хальләрен тәгъзым берлә сурмак кәрәк* (с. 491). / 'Если (они) печалются (чувствуют себя плохо), то надо навестить их'; из книги «Нахдж ал-фарadis» Махмуда ал-Булгари: *Аннан соң тәдәрәк итмәк кәрәк...* (Борынгы татар әдәбияты, 1963, с. 231). / 'Затем нужно найти способ' и др.

Форма инфинитива *-мак/-мәк* зафиксирована и в текстах газеты начала XX века «Борхане таракки» (1906-1911 гг., Астрахань) (Миннуллин, 2022, с. 142-143), где она особенно активно употреблялась в сочетании с послелогами *өчен, үзере* 'для, ради', модальными словами *кирәк, ләзем* 'необходимо', глаголами *бул* 'будь', *телә* 'желаю'.

По мнению ученых, форма на *-мак* является формой древнего направительного падежа отглагольного имени на *-та/-тә* (Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 484).

В настоящее время форма инфинитива на *-мак/-мәк* встречается только в говорах татарского языка: мензелинском, ичкинском, бастанском, златоустовском, учалинском, камышлинском, параньгинском, заказанских говорах среднего диалекта, стерлитамакском, байкибашевском и других говорах западного диалекта, а также в восточных диалектах, она активно функционирует в агрызском подговоре мензелинского говора татарского языка.

В литературном языке данный аффикс был вытеснен из употребления инфинитивной формой на *-ырга*. Инфинитив на *-мак/-мәк* характерен для тюркских языков южной группы, например для турецкого, туркменского, азербайджанского, кумыкского языков.

5. В исследуемых говорах широко используется конструкция *-ды + исә*: сочетание формы прошедшего категорического времени на *-ды* и союза *исә*. Данная форма выражает временные, условные или причинно-следственные отношения между действиями или состояниями: *Иртәрәк барды исә, вақытында эшләрен бетерер* (крмн.). / 'Если пораньше поедет, то во время завершит (свои) дела'; *Буран булмадисә* (литер.: булмасә), *күрше амылға парам* (тпк.). / 'Если не будет бурана, то поеду в соседнюю деревню'; *Йазып беттисә* (беткәч тә), *путьға аппарыр әле* (крмн.). / 'Как только допишет, пускай отнесет на почту' и т. д. Она употребляется в других татарских говорах Башкортостана, Перми, Зауралья, Удмуртии, Оренбурга, а также в крышненских говорах.

В отличие от татарского литературного языка, в курмантауском говоре союз *исә* принимает личные окончания: *Идел буйына төштисәгез* (литер.: төшсәгез), *боз киткәнән күрер идегез* (крмн.). / 'Если бы спустились к речке Агидель, то увидели бы, как проходит ледоход'. Присоединение личных аффиксов к союзу *исә* – это характерное явление для татарских говоров Приуралья. В тепекеевском говоре личный аффикс может присоединяться к союзу *исә*, а также к любому глаголу: *Киске ашны пешереп куйдым исәм, бүгенкә эшем бетә* (тпк.). / 'Если приготовлю ужин, то дела на сегодня закончатся'; *Бу эсселектә бақсада қазындың исәң, нишләрсәң, қартатам* (тпк.). / 'Если в такую жару будешь копать в огороде, то что с тобой будет, дедуля'.

Конструкция *-ды исә*, древнетатарский вариант *-ды ирсә*, активно использовалась в памятниках древнетюркской и старотатарской письменностей («Төхвәи мәрдән» и др.). Например, в произведении Г. Утыз-Имяни: *Остази күрдең исә итме жәдәл* (Борынгы татар әдәбияты, 1963, с. 568). / 'Когда встретишь учителя, не спорь с ним'; в поэме «Дастан Бабахан» Сайяди: *Ишетте ирсә ул гарызы солтан, ..., булды хәндан* (Борынгы татар әдәбияты, 1963, с. 304). / 'Как султан услышал эту просьбу... – обрадовался'.

Формы старотатарского литературного языка *-ды исә*, *-ды ирсә* бытовали до начала XX в., а форма *-ды исә* встречается даже в произведениях писателей первой четверти XX века (например, З. Рамеева, М. Гафури и др.).

Как видно из вышеизложенного, некоторые фонетические особенности и морфологические формы, которые были характерны для древнетюркского и старотатарского литературного языка, были утрачены в ходе развития татарского литературного языка, но они сохранились в его многочисленных говорах, в том числе в курмантауском и тепекеевском. Следует отметить, что некоторые общие со старотатарским литературным языком грамматические формы встречаются в татарских народных песнях (например, дифтонг *-ай/-әй*, *-айым/-айык* и др.).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В Республике Башкортостан распространены два диалекта: средний (казанско-татарский) и западный (мишарский). Нами исследуемые курмантауский

и тепекеевский говоры относятся к среднему диалекту татарского языка. Изучение особенностей данных говоров в сравнении с языком памятников старотатарской литературы показало, что татарский диалектный язык имеет большую общность со старотатарским письменно-литературным языком, о чем свидетельствует проанализированный нами на фонетическом и морфологическом уровнях материал. В курмантауском и тепекеевском говорах татарского языка сохранен ряд древнетюркских явлений (например, *-ды исэ* и др.), которые были характерны для старотатарского литературного языка.

Рассматриваемые фонетические особенности и грамматические формы, характерные для древнетюркского и среднетюркского периодов и соответствующие традиционным нормам старотатарского литературного языка, продолжают употребляться в исследуемых нами говорах (например, формы *-айым/-эйем*, *-мак/-мак* и др.), а также в иных говорах татарского языка с разными вариантами (например, *-айын/-эйен* и др.); или в других тюркских языках и их говорах (например, формы *-(й)алым/- (й)эле́м/- (й)элим* и др.).

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в выявлении и более детальном анализе грамматических форм, характерных для старотатарского письменно-литературного языка и среднего, западного и восточных диалектов татарского языка.

Источники | References

1. Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Хэйретдинова Т. Х. һ.б. Татар халык сөйләшләре: ике китапта. Казан: Мәгариф, 2008. I китап. II китап.
2. Булатова М. Р. Курмантауский говор в сравнительном освещении (фонетические особенности) // Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения: материалы международной научной конференции молодых ученых и аспирантов (г. Казань, 18 мая 2012 г.). Казань, 2012. Вып. 6.
3. Булатова М. Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013.
4. История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX века) / Академия наук РТ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова; сост. Х. Курбатов. Казань: Фикер, 2003.
5. Кадилова Э. Х. Поэмы Мухамедьяра «Тухфа-и-мардан» и «Нур-и-содур»: лексика. Казань: Фикер, 2001.
6. Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1970.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
8. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978.
9. Миннуллин Б. К. Специфика морфологического оформления текстов татарской периодической печати начала XX в.: монография. Казань: ИЯЛИ, 2022.
10. Мирхаев Р. Ф. К проблеме изучения функциональной парадигмы татарского языка в диахроническом аспекте // Казанская наука. 2022. № 1.
11. Мирхаев Р. Ф. Огузско-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX веков). Казань: Минтипотография ИПИ АН РТ, 2007.
12. Рамазанова Д. Б. Тепекеевский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Казань: ИЯЛИ, 1988. Вып. 6.
13. Сакаева Л. Р., Исмагилова Г. К., Саяхова Г. И. Письменные памятники и художественные произведения как объект изучения в татарском языкознании // Казанская наука. 2019. № 1.
14. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988.
15. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. Казань: Фэн, 2004.
16. Языки мира. Тюркские языки / редкол.: Э. Р. Тенишев, Е. Л. Поцелуевский, И. В. Кормушин, А. А. Кибрик. М.: Индрик, 1997.

Информация об авторах | Author information

Булатова Миннира Рахимовна¹, к. филол. н.

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Minnira Rakhimovna Bulatova¹, PhD

¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Science of the Republic of Tatarstan, Kazan

¹ m.r.bulatova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.06.2024; опубликовано online (published online): 22.07.2024.

Ключевые слова (keywords): курмантауский говор; тепекеевский говор; фонетика и морфология татарского языка; старотатарский литературный язык; письменные памятники; kurmantau sub-dialect; tepekey sub-dialect; phonetics and morphology of the Tatar language; old Tatar literary language; written monuments.